

Ф и л о с о ф и я

УДК 340 (075.8)

Герасименко Анатолий Петрович

Амурский государственный университет

г. Благовещенск, Россия

E-mail: tigp@amursu.ru

Gerasimenko Anatoly Petrovich

Amur State University

Blagoveshchensk, Russia

E-mail: tigp@amursu.ru

О ФИЛОСОФИИ ПРАВА И.А. ИЛЬИНА

ABOUT PHILOSOPHY OF LAW BY I.A. ILYIN

Аннотация. Критические заметки о философии права Ивана Александровича Ильина (1883-1954), изложенной им в работах «Религиозный смысл философии», «О сопротивлении злу силою», «Путь духовного обновления», «Путь к очевидности». Философско-правовые представления Ильина определялись его праворадикально-православной идейно-политической ориентацией настолько сильно, что его собственный вариант религиозной философии христианского толка привел к идеализации государственно-правовых установлений Российской империи. Адекватное восприятие этой философии права возможно только в среде сторонников государства партийного типа, а именно – православного.

Abstract. There are critical notes on philosophy of law by Ivan Aleksandrovich Ilyin (1883-1954), as it was expounded in his works «The religious sense of philosophy», «About resistance to evil by force», «The way of mental renovation», «The way towards evidently». The Ilyin's philosophical-law ideas were determined by his rightradical-orthodox ideologic-poliyical orientation with such strength, that his own version of Christian religious philosophy led it to idealization of state-law establishments of Russian Empire. Adequate perception of this philosophy may be possible only among supporters of the orthodox party state.

Ключевые слова: Ильин, философия права, православная философия права.

Key words: Ilyin, philosophy of law, orthodox philosophy of law.

Хотя И.А. Ильин (1883-1954) [1] вошел в историю политико-правовой мысли как разработчик православной правовой идеологии [2], у него была не только своя теория государства и права [3], но и собственная философия права. Согласно Ильину, философия права применяет к праву законы этики (построение естественного права), а к науке права – законы логики (вопрос о предмете и методе юриспруденции), и этим она отличается от общей теории права, которая исследует самую сущность права [4]. Свое понимание философии и ее задач Ильин изложил в работе с говорящим названием «Религиозный смысл философии», а собственные философские представления – в трех книгах на немецком языке [5]. Ильин понимал, что философия – это личный духовный опыт мудрствования, но

был склонен если не отождествлять его с религиозным опытом, то, по крайней мере, уравнивать с ним. Он учился философии по немецким классикам в Московском и в немецких университетах, но стремился стать действительно русским философом [6]. Иногда Ильину удавалось высказать кое-что созвучное настроениям времени, но его философия жизни в целом не вливалась в поток актуальных для европейцев размышлений [7]. Конечно же, Ильин и сам понимал, что ему не удалось привлечь внимания, сравнимого с тем, которого добился за рубежом антипатичный ему Н.А. Бердяев. Это его обижало, если не сказать – злило [8]. Тем не менее, его философия – это напыщенное многословие вокруг банальностей с претензией на раскрытие глубин онтологии, гносеологии, этики и эстетики в духе православного христианства с опорой на отечественные фактические материалы и с редкими упоминаниями заграничных авторитетов. Могла ли эта философия сказать что-то новое о праве, если средоточием ее христианской этики постулирована православная совесть [9], а гносеология построенная на немецкой логике да его собственных созерцательно индуктивных «предметности» и «очевидности»?

Свой антитолстовский этический трактат «О сопротивлении злу силою» Ильин посвятил белым воинам, носителям православного меча, добровольцам русского государственного тягла. Это был поступок сродни геростратовскому. Работу Ильина можно было бы вообще не замечать как пылинку на скале. В полемике с гением литературного искусства он сетует на нехватку слов в языке для решения моральных вопросов, о которых издревле и на разных наречиях писали постоянно. Термина «принуждение» вполне достаточно, его неуклюжее «заставление» ничего не уточняет и не проясняет. Люди все время принуждают (заставляют) к чему-нибудь и себя, и других. Более того, ведь если ты должен, то это значит – вынужден (принужден). Мораль гораздо принудительнее права, потому что от совести не спрячешься. Поэтому констатации Ильина вполне банальны: «Зло начинается там, где начинается человек, и притом именно не человеческое тело, во всех его состояниях и проявлениях как таковых, а человеческий душевно-духовный мир – это истинное местонахождение добра и зла. Судьба человека в том, чтобы в жизни на земле иметь дело с буйством неуговоримого зла.» В определенном смысле жизнь – это вообще-то непрерывное сопротивление угрожающему (злу) для нее в окружающей среде ради самосохранения. Без сопротивления этим угрозам (злу) среды она просто невозможна. Не зря ведь бессильное значит безжизненное. Назначение государства в пресечении зла, но от этого оно не становится добрым. Выводы Ильина вполне ожидаемы: «Нельзя налагать абсолютный запрет на силу и меч; ибо обращение к ним может быть нравственно и религиозно обязательным. Сопротивление злу силою и мечом допустимо не тогда, когда оно «возможно», а когда оно необходимо; но если оно в самом деле необходимо, то человеку принадлежит не «право», а обязанность вступить на этот путь. Вести государственную борьбу со злодеями есть дело необходимое и духовно верное; но пути и средства этой борьбы могут быть и бывают вынужденно несправедливые» [10].

Если в этике Ильин традиционен на православный лад, то в гносеологических вопросах, когда не школярски логичен, тогда либо нарочито туманен, либо вызывающе набожен [11]. Он экстравагантно пишет о «духовном инстинкте». У него «предметность» почти всегда с заглавной буквы. Он очень любит формулировать «аксиомы». Дедукция отвергается им в пользу «созерцающей» индукции. «Очевидность» – апелляция к тому, что не требует других доказательств, кроме своей собственной наличности. С индукцией и очевидностью все более или менее понятно, но что же все-таки значит для него «предметность»? На русском – предмет, во-первых, всё, что представляется чувствам (вещи) или уму и воображению (идеи); во-вторых, цель, намерение (по латыни предмет – *objectum* – это то, что противоположно *subjectum*). Значит ли для него «предметно» – объективно, а не субъективно? Вроде бы да. Он пишет: «Каждое существо на земле и каждое тело человеческое имеет неко-

торуемую цель, которой оно и служит. При этом можно иметь в виду чисто субъективную цель, зовущую человека к удовлетворению его личных потребностей и ведущую его к личному успеху в жизни. Но можно иметь в виду и объективную цель, последнюю и главную цель жизни, по отношению к которой все субъективные цели окажутся лишь подчиненным средством. Это есть великая и главная цель человека, осмысливающая всякую жизнь и всякое дело, цель, на самом деле прекрасная и священная, – не та, ради которой каждый отдельный человек гнется и кричит, старается и богатеет, унижается и трепещет от страха, но та, ради которой действительно стоит жить на свете, ибо за нее стоит бороться и умереть. Для животного такою целью является продолжение рода, и в служении этой цели мать-самка отдает свою жизнь за детеныша. Но у человека есть более высокая, духовно верная цель жизни, на самом деле и для всех драгоценная и прекрасная, или, если собрать все эти определения в простой скромный термин, – Предметная».

Но, как оказывается, для него на самом деле «жить предметно – значит связать себя (свое сердце, свою волю, свой разум, свое воображение, свое творчество, свою борьбу) с такой ценностью, которая придаст моей жизни высший, последний смысл. Мы должны увидеть оком сердца предметное значение и назначение нашей Жизни». Такой единый и великий предмет истории – Царство Божье, в живую предметную ткань которого мы и должны вплести нашу личную жизнь. Жить предметно для Ильина, – значит, освятить жизнь этой идеей. «Предмет есть некая живая и священная стихия, субстанция или «эссенция» духовной жизни, которая несет человеку множество драгоценных даров». Человек, испытавший влияние предметности, как бы держится правой рукой за небо: «Во всяком случае, он твердо знает, где находится его главная опора и Кто в конечном счете решает его судьбу» [12].

Как он сам много раз отмечает, ни в научном, ни в философском смысле ему нет нужды что-то придумывать (открывать) или сочинять. Он просто продумывает до божественных глубин известные темы о нации, государстве, законности, вере, совести, верности, правоте, истинности, справедливости и т.п. Соединяя православие с национализмом и монархизмом, он следует вековым традициям России, становится в ряды идеологов русского православного национализма, где, занимая позицию праворадикального православия, начинает призывать всех патриотов в эпоху нарастающей глобализации (столь ненавистного ему интернационализма) последовать за собой ради спасения страны. И если в середине XX в. такое теоретизирование еще озадачивало своим рутинерством, то в начале XXI в. оно неожиданно для многих стало отвечать потребностям широких масс и правительств, стремящихся сохранить национальную самобытность (конфуциански окрашенную в Китае, индуистски – в Индии, мусульмански – в целом ряде стран Азии и Африки) и отстоять независимость от англосаксонского мира с его веротерпимостью. «На свете существует и сплоченно работает демократическая инквизиция. И чем она настойчивее, тем больше жертв, мук и крови потребуется в будущем для того, чтобы люди отрезвились и образумились от этого демагогического угара» [13]. Под этими словами Ильина подпишутся сегодня не только многие соотечественники, особенно те, кто оказался не по своей воле и без покровительства России в роли бесправных инородцев за западных окраинах еще совсем недавно великой страны, но и китайцы, иранцы, афганцы, не говоря уже о сирийцах или ливийцах.

Ильин то считал философию наукой, то отказывал ей в этом, но всегда воспринимал особой формой творчества, которая отличается от таких его сфер как искусство или религия. Он полагал, что вопрос о том, есть ли философия наука, не стоит разрешать ни в положительном, ни в отрицательном смысле. «Если она есть наука, – а она может быть наукой, – то это наука, требующая от человека особого духовно-религиозного опыта и особого описательного художества». Поэтому он остановился на утверждении, что «философ поступает правильно и умно, если он рассматривает свою работу как ис-

следование и тем самым принимает на себя ответственность исследователя, волю к предметности и бремя доказательства. Это означает, что есть особый философский опыт и что этот опыт надо понять и усвоить, а затем осуществлять его, укреплять его и культивировать» [14]. Здесь все-таки ему нужно было бы сказать вполне определенно – коллективный опыт мудрствования никому не известен по причине своей невозможности, тогда как многие народы (не только русский) не раз переживали времена коллективного безумия, как бы коллективного помешательства, связывая это с подлинной верой. В философии любой опыт индивидуален и только через индивидуальное в ней мы можем судить о чем-то ином опыте – либо сходном с нашим, аналогичном ему, либо отличном от нашего. Вдобавок опыт искусства, религии, науки, философии – это различный опыт. Поэтому в действительности есть только личный опыт в названных сферах, который, конечно же, очень редко бывает оригинальным. Если философское исследование – это научное исследование, то не эмпирическое (не опытное), а теоретическое (понятийное), и только. Такое исследование может иногда приближаться в своих отдельных образцах к искусству слова, но оно никогда не найдет массового читателя. Спросим себя – кто не знает Льва Толстого и кто знает Ивана Ильина?

В теории государства и права Ильина существо права обнаруживается в притязании («можно»), в предписании («должно»), в запрете («нельзя»). Философствуя о праве, он остается юристом, который не хочет видеть, что подлинный смысл права вовсе не в правах (притязаниях) или обязанностях (должном), а всего лишь в запретах (нельзя). Такого рода юридическая слепота не красит верующего человека. Разве вера в бога начинается не со страха божьего? Первый постулат любой религии – бойся бога! Из этого же истока вытекает юридический запрет (право). Если религия для людей первоначальна, а царство божье идеально, тогда и для права первоначален и совершенен именно запрет, а не притязание или долг. Говорить о сверхюридическом можно, когда признаешь наличие подюридического. Ильин очень хорошо понимал это. Ведь подюридическое – это действительные общественные отношения, та самая жизнь, на произвольный поток событий которой он указывал. У человеческой повседневности свои законы – воспроизводства и адаптации, т.е. законы проживания и выживания. Тогда как юридические законы призваны защищать слабейших, устанавливая запреты для сильнейших, а также перераспределяя ресурсы в целях выживания максимального количества соплеменников.

Поскольку и в самой душе дух – это «сверх» юридическое, то что тогда в ней отнести к «под» юридическому? Ильин говорит, что дух есть сила самоопределения к лучшему [15]. Что противоположно этой силе? Наверняка в психике (душе), кроме духа есть, еще масса другого, – скажем, отличающееся от всего разумного (ум, мышление) чувственное (нервное, сердечное). Именно так толковал значение столь дорогого православному человеку слова «сердце» в своем словаре В.И. Даль [16]. Не думая обидеть узких специалистов, предположим, что делить психику на три сферы – мышления, эмоций, воли, а не две, выделяя лишь чувства и мышление, – занятие избыточное [17]. Если человеческая душа (психика) содержательно исчерпывается мышлением (голова) и чувствами (сердце), то что остается на долю духа? Так появляется воля, о чем вслед за многими и пишет Ильин. Но ведь известно, что обычно волю невозможно отличить от веры и разума. Точнее говоря, от силы нерационального убеждения и силы высокой мысли, к которым апеллируют, стремясь мобилизовать человеческую активность. О духе Ильин, как теистичный креационист, рассуждал много, но для сторонников атеистичного эволюционизма все его выкладки не так уж убедительны. В конце концов, кто же не знает, что «все мы – люди, все мы – человеки», т.е. безвольные, слабые умом и обделенные острой чувств существа. Поневоле приходится напоминать самим себе об отдельных исключительных подвижниках духа, которых из всех времен и народов наберется довольно много. Но ведь дух – это не достояние одиночек, а часть психики каждого. Если в большинстве случаев этот самый дух спит,

то, скорее всего, спит нечто называемое либо верой, либо разумом. Та психическая (душевная) сила, которую называют волей, в действительности сводится либо к вере, либо к мысли. Поскольку вера соединяет в себе как мысль, так и чувство, постольку за волей остается только мысль.

Ильин утверждал: «Философ больше, чем всякий другой ученый, должен овладеть силами своего бессознательного, очистить их, придать им гибкость и покорность, сделать их совершенным орудием предмето-видения». Возможно ли это? Когда специалист по сознанию, разбираясь в его строении, начинает рассуждать о бессознательном, тогда от него можно ждать меньшей наивности. Ильин писал: «Современный человек пренебрегает своим бессознательным и, главное, его духовностью; он забросил и запустил его; оно продолжало жить в духовной беспризорности, плутая по темным лесным тропинкам, уходя в глубину своей животности «по следу вепрей и волков»... Человек, не одухотворяющий своего бессознательного, – неминуемо становится рабом собственной животности. Современный «просвещенный» человек, с развитым сознанием и запущенным, безбожным бессознательным – не верит ни во что и не предан ничему высшему, он живет без Бога, без религии, без идеала и без идей, у него нет ничего такого, за что ему стоило бы умереть; а это значит, что ему не стоит жить тем, чем он живет» [18].

Бессознательное таково, что оно владеет человеком, а не наоборот. Сам человек не может овладеть бессознательной сферой своей психики. Он может знать о бессознательном в себе и других, но ему не дано проникнуть в бессознательное в такой степени, чтобы подчинить его себе. Ильин пишет: «Современная наука о душевных болезнях, в лице осторожного и зоркого Зигмунда Фрейда, открывает психоанализ как метод, которым человек может не только исцелить и очистить свое бессознательное, но и сообщить своему духу органическую цельность, четкость и гибкость» [19]. Даже если очень постараться, трудно сказать что-нибудь нелепее этого. Ведь ни Фрейд, ни его последователи никогда не претендовали на «исцеление и очищение» бессознательного. Врачи-психиатры исцеляют, если получается, конкретных людей от неврозов, используя некоторые знания о бессознательном, которое даже в единичных случаях успешного лечения неизменно остается необъятно-непроницаемым. И тем более, никто из медиков никогда не претендовал на знание духа и путей влияния на него.

Когда говорят, что наши душевные потенции спят и нужно их пробудить, тогда хотят забыть, что в душах людей спят звери. Пробудить разум – призыв опасный. В свое время французские проповедники веры в разум не обошлись без гильотины для верующих по старинке врагов народа. В действительности, если результатом такого пробуждения не является принятие чужой точки зрения, то просыпается зверство. Это гораздо точнее соответствует действительности, потому что в нашей психике сохранились все те стремления, которые мы переживали и загоняли в подсознание за тысячелетия развития от нормального животного состояния к нормальному человеческому. Нормальное для зверя совершенно не нормально для человека, и наоборот. В нас спит не разум, а животная страсть. Точнее сказать, она не спит, а запрятана в бессознательном. Те, кто, как Ильин, думают, что в людском коллективном бессознательном преобладает благостно-миролюбивое отношение друг к другу, жестоко ошибаются [20]. В этой бездонной сфере много разного, в том числе – не по-звериному жестокого. Не нужно путать бессознательное с неизвестным, неизученным, неприрученным. Бессознательное было всегда, даже тогда, когда мы о нем вообще ничего не знали. Бессознательное можно познавать все лучше и лучше, но по мере нашего о нем узнавания оно не сокращается и не увеличивается, оставаясь по-прежнему особой самопроизвольной сферой психики. Зная об этой сфере, мы можем лишь принаравливать к бессознательному, но не в силах им управлять. Его невозможно парализовать или как-то усовершенствовать. Но люди (тут Ильин не одинок) всегда стремятся к лучшему, т.е. рационализируют свои интуитивные порывы к свету и постоянно сочиняют программы спасения, подтверждая самим постоянством этих попыток только неизменность скотского положе-

ния. Скорее всего, православному философу стоило бы смиреннее, чем атеисту, считаться с пределами своего человеческого удела. Сказанное, впрочем, не распространяется на идейного борца, погруженного в политику права и подчинившего ей свою философию [21].

1. Герасименко, А.П. «Русская идея» (политико-правовое учение И.А. Ильина) // Политика и право. Ученые записки. – Вып. 17. – Благовещенск: АмГУ, 2017.

2. Герасименко, А.П. Православная правовая идеология И.А. Ильина // Религиоведение. – 2019. – № 2.

3. Герасименко, А.П. О теории государства и права И.А. Ильина // Вестник АмГУ. – Вып. 86. Серия «Гуманитарные науки». – 2019.

4. В завершающем параграфе, названном «Деление наук о праве», написанного им раздела в учебном пособии для гимназий, говорится: «Науки о праве исследуют только те отношения, которые предусмотрены и признаны правовыми нормами». Поэтому по методу (т.е. с «точки зрения, с которой ведется изучение правоотношений») они делятся на социологию права, историю права, политику права, а также нормативную науку о праве, а по характеру (т.е. по «свойствам изучаемого предмета») – на науку публичного права (церковного, государственного, административного, финансового, уголовного, судебного-уголовного и гражданского процессов) и на науку частного права (вещного, обязательственного, семейного, наследственного), к которым примыкает наука международного права. «Таковы основные юридические науки. К ним следует добавить еще общую теорию права и философию права» (И.А. Ильин. Теория права и государства. – М.: Зерцало, 2003. – С. 153-156).

Когда Ильин выделял в качестве предметов, заботящих философа, право, правосознание, государство, тогда совсем переставал замечать, что его философия права превращается в общую теорию права и государства. В специальной работе о предмете и задачах философии Ильин развернул и уточнил свое определение философии права. Здесь говорится, что она исследует божественную природу права как необходимого способа духовной жизни, как естественного атрибута человеческого духа, поэтому: «Необходима новая философия правосознания и государственности, чтобы осмыслить единую, священную природу права и благородную, но трагическую природу политики; чтобы измерить падение современного государства и помочь человечеству возродить предметное общественное строительство» (И.А. Ильин. Путь к очевидности // Сочинения. – М.: ЭКСМО-Пресс, 1998. – С. 44,79).

5. «Религиозный смысл философии. Три речи. 1914-1923» Ильин опубликовал уже в Берлине в 1925 г. На немецком в 1938 г. вышла «Я вглядываюсь в жизнь. Книга раздумий», в 1943 г. – «Поющее сердце. Книга тихих созерцаний», в 1945 г. – «Взгляд в даль. Книга размышлений и упований». На русском языке этот «триптих» был опубликован лишь в его 10-томном собрании сочинений – первая и вторая книги в третьем томе (1994 г.), а третья – в восьмом (1998 г.) Каждая книга состоит из небольших пронумерованных «этюдов», которых в первой книге 73, во второй – 32, а в третьей – 43. Впечатление от прочитанного – трюизмы, преподносимые с пафосом. Более или менее интересны лишь два «этюда» из первой книги: «27. Коллективная мечта» и «30. Несправедливость», да еще два из второй – «2. О справедливости» и «4. Моя вина». Вторая книга («Поющее сердце») отличается литературным мастерством, приближающимся к поэзии. Основной работой Ильина по философии права нужно считать «О сопротивлении злу силою» (1925 г.), напечатанную только в Берлине и вызвавшую, как он и ожидал, скандальную полемику.

6. Здесь было бы неуместно скрупулезно разбираться в русских источниках философии Ильина. Отметим только, что он вполне усвоил принципиальный вывод В.С. Соловьева (1853-1900): «Истинная и живая религия не есть специальность, отдельная область, особый угол в человеческом существовании. Прямое откровение безусловного, религия не может быть чем-нибудь: она – всё или ничего. Раз мы ее признали, мы обязаны вести ее, как верховный и направляющий принцип, во все сферы умственной и практической жизни, подчинить ей все интересы политические и общественные» (В.С. Соловьев. Чтения о Богочеловечестве. – СПб.: Азбука, 2014. – С. 323-324).

7. «Философия больше, чем жизнь: она есть завершение жизни. Но жизнь первее философии: она есть ее источник и предмет»; «Философия есть наука о жизни. Философствовать – значит воистину жить и мыслью освещать и преображать сущность подлинной жизни»; «Жизнь есть страдание, ведущее к мудрости, а философия есть мудрость, рожденная страданием.» (И.А. Ильин. Религиозный смысл философии. – С. 29, 33, 52). «Жить на свете – значит выбирать и стремиться; кто выбирает и стремится, тот служит некоторой ценности, в которую он верит. Все люди верят: и образованные и необразованные, и умные и глупые, и сильные и слабые. Одни сознают, что они верят, другие верят, не сознавая этого. Одни знают и то, что они верят, и то, во что они верят, а может быть, и то, на каком основании они верят. Другие верят просто, не зная этого за собою и, может быть, ни разу в жизни не подумав, во что же они, собственно говоря, верят и есть ли у них какие-нибудь основания для этой веры. Но вера всегда остается первичной силой человеческой жизни – совершенно независимо от того, понимают люди это или нет. Человек может заблуждаться в своей вере и идти по ложным путям; он может разочароваться в своей прежней вере и отходить от нее; хуже того, он может изменять своей вере по расчету и «продавать» ее. Но в одном человеку отказано, одного он не может: именно – жить без веры»; «Жить стоит только тем и верить стоит в то, за что стоит бороться и умереть; ибо смерть есть истинный и высший кри-

терий для всех жизненных содержаний» (И.А. Ильин. Путь духовного обновления // И.А. Ильин. Путь к очевидности. – С. 88, 96); «Во грехах зачатый, во грехах возросший и совершивший полжизни, окруженный такими же людьми и связанный с ними связью всеобщего взаимодействия во зле, – человек вряд ли имеет основание ставить перед собою практические вопросы абсолютного измерения и задачу немедленной абсолютной чистоты» (И.А. Ильин. О сопротивлении злу силою // И.А. Ильин. Путь к очевидности. – С. 475).

8. Ильин писал: «Современная эпоха практикует охотно такой путь: люди сговариваются выдвинуть такого-то невыдающегося человека, который сам по себе прошел бы незамеченным в жизни, и затем, заговорщицки, группируясь вокруг своего «выдвиженца», начинают восхвалять его, «изумляться» его невыдающимся словам, готовить всех к его призванию, распространять о нем легенды и поклоняться ему. Социальный гипноз обнаруживает всю свою силу, и люди начинают думать, что состоялось явление «великого человека». Так до сих пор известные круги то ли безвкусных, то ли наивных людей продолжают культивировать Бердяева, как «авторитетного прозорливца» со всеми его беспочвенными и сумбурными писаниями» (И.А. Ильин. Наши задачи. Статьи 1948-1954 гг.: В 2 т. – М.: МП «Рарог», 1992. – Т. 2. – С. 223-224). 11 марта 1947 г. в газете «Россия» (Нью-Йорк) была напечатана его статья «Подвиг лжи г. Бердяева», где среди всего прочего можно прочитать: «В Москве ему давно уже дали приятельское прозвище «Белибердяева». (И.А. Ильин. Собр. соч.: Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906-1954). – М.: Русская книга. – С.153). В эмигрантских кругах мало кто отзывался друг о друге положительно. Не станем спорить с Ильиным. Любому желающему иметь собственное представление о вкладе того и другого в этику достаточно будет сравнить хотя бы «О назначении человека» (1931 г.) Бердяева с «О сопротивлении злу силою» (1925 г.) Ильина.

Самого себя Ильин как бы успокаивал такими рассуждениями: «Сознание, что мой труд одобрен нечестивцем, что я угодил духовному слепцу или глупцу, что известные плуты восхищаются моим созданием на всех перекрестках, может вызвать в душе настоящее удручение... И тот, кто сообразит и продумает все это, скоро поймет, что только признание зрелого судьи, мудрого созерцателя и чистосердечного критика может быть желанным и радостным. А такие люди будут хвалить меня только тогда, когда я сам буду чувствовать, что меня оправдывает моя собственная совесть и что меня укрепляет Божий луч» (И.А. Ильин. Путь к очевидности. – С. 809.)

9. «Великие создатели этики всегда утверждали, что совестный опыт вводит душу в новый порядок бытия, как бы не охарактеризовать этот строй. Добро есть нечувственный предмет; совесть есть живой орган, открывающий к нему доступ. Необходима новая философия совести и доброты, чтобы вновь увидеть живое тождество добродетели и ума; чтобы измерить беду современного нравственного индифферентизма; чтобы помочь человечеству побороть в себе извращенный вкус к порочности и возродить в себе способность быть счастливым в доброте и быть добрым в несчастье» (И.А. Ильин. Религиозный смысл философии. – С. 42, 80); «Совесть есть живая и цельная воля к совершенному; первый и глубочайший источник чувства ответственности; основной акт внутреннего самоосвобождения; живой и могущественный источник справедливости. Совесть есть состояние нравственной очевидности» (И.А. Ильин. Путь духовного обновления // Путь к очевидности. – С. 156).

10. Ильин, И.А. О сопротивлении злу силою. – С. 335, 505, 492, 495, 507.

11. «Необходима новая философия научной очевидности, отправляющаяся от пересмотра идей метода и доказательства и освобождающая науку от порабощения чувственному восприятию; это необходимо для того, чтобы осмыслить гибельный фантом противорелигиозной науки и трагическую немощь противонаучной религии; чтобы развязать предметные крылья и науке и религии и помочь ученому возродить в себе созерцание своего предмета при свете великих духовных Предметов» (И.А. Ильин. Религиозный смысл философии. – С. 80); «Надо доверить все свое творчество и всю свою судьбу этой благодатной, евангельски-христианской силе сердечного созерцания, издревле жившей в восточном Православии...» (И.А. Ильин. Путь к очевидности. – С. 827).

12. Ильин, И.А. Наши задачи. – Т. 2. – С.145-146.

13. Там же. – С. 142.

14. Ильин, И.А. Религиозный смысл философии. – С. 31-32; Его же. Путь к очевидности. – С. 788-789.

15. Дословно: «Ибо дух есть сила самоопределения к лучшему». В другом месте: «Дух человека есть его личная энергия, и притом разумная энергия; разумная не в смысле «сознания» или «рассудочного мышления», а в смысле предметного созерцания, зрячего выбора и действия в силу духовно-достаточного основания» (И.А. Ильин. Путь к очевидности. – С. 695-696).

Если выбрать из текстов Ильина только то, что написано им о духе, то получится объемистый томик. Приведем здесь еще одно наиболее простое и свободное от экзальтации рассуждение: «Душа не то же самое, что дух. Душа – это весь поток нетелесных переживаний человека, помыслов, чувствований, болевых ощущений, приятных и неприятных, значительных и незначительных состояний; воспоминаний и забвений, деловых сообщений и праздных фантазий и т.д. Дух – это, во всяком случае, лишь те душевные состояния, в которых человек живет своими главными, благородными силами и стремлениями, обращенными на познание истины, на созерцание или осуществление красоты, на совершение добра, на общение с Божеством – в умозрении, молитве и таинстве; словом, на то, что человек признает высшим и безусловным благом. Этим различие между «душою» и «духом», конечно, не исчерпывается; но в пределах человеческого опыта оно начинается именно здесь. Дух – это то, что объективно значительно в душе» (И.А. Ильин. Религиозный смысл философии. – С. 17).

16. Понятию сердца была посвящена известная статья П.Д. Юркевича (1827-1874) «Сердце и его значение в духовной жизни человека, по учению слова Божия», опубликованная в 1860 г. (Статья переиздана в сборнике: П.Д. Юркевич. Философские произведения. – М.: Правда, 1990. – С. 69-103). О сердце в 1914 г. писал П.А. Флоренский (1882-1937) в книге «Столп и утверждение истины» (переиздана – М.: АСТ, 2007.). В 1925 г. в журнале «Путь» вышла статья Б.П. Вышеславцева (1877-1954) «Значение сердца в религии», а в 1929 г. в Париже была опубликована его работа «Сердце в христианской и индийской мистике» (переиздана в журнале «Вопросы философии». – 1990. – № 4. – С. 62-87). Хорошо знакомые друг с другом по Московскому университету Ильин и Вышеславцев Юркевича там уже не застали, но книгу Флоренского знали оба.

17. Ильин идет гораздо дальше: «Условимся различать в человеке следующие душевные силы или «способности»: восприятия, возникающие из чувственных ощущений; мышление; инстинкт; волю; силу воображения; и жизнь чувства» (И.А. Ильин. Путь к очевидности. – С. 827). Заметим – здесь о духе нет ни слова.

18. Ильин, И.А. Яд большевизма // И.А. Ильин. Собр. соч. – С. 378-379.

19. Ильин И.А. Религиозный смысл философии. – С. 47.

20. Ильин пишет: «Человеческое бессознательное не любит лишений, напряжений и огорчений; оно стоит за удовольствия, за легкую жизнь. И при этом оно одновременно – страстно и наивно, ненасытно и легковерно; его влечения древни и устойчивы, как вселенная, а притязания и надежды его всегда ребячливы. И вот на протяжении тысячелетий человеческому бессознательному снится массовый сон о блаженном тридесатом царстве; о сказочном, утопическом счастье; о райской жизни в стране вечного досуга, где не будет ни болезней, ни старости, ни заботы, ни труда, ни лишений, ни голода, ни запрета, ни греха, ни преступлений, ни наказаний, ни принуждения, ни несправедливостей» (И.А. Ильин. Крушение социализма // Собр. соч.: Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906-1954). – С. 414).

21. По Ильину, заниматься «политикой права» – значит, изучая правоотношения с точки зрения их целесообразности, «установить и доказать единую, высшую цель, осуществляемую правом и правовыми союзами людей, и вслед за тем подыскать верные средства, ведущие к осуществлению этой цели; рассмотреть каждое правовое явление и каждую правовую норму с точки зрения их практической годности и негодности и дать указание и советы мудрому правителю» (И.А. Ильин. Общее учение о праве и государстве. – С. 154).

УДК 111

Куляскина Ирина Юрьевна

Амурский государственный университет

г. Благовещенск, Российская Федерация

E-mail: ihandoshko@mail.ru

Kulyaskina Irina Yuryevna

Amur State University

Blagoveschensk, Russia

E-mail: ihandoshko@mail.ru

БЫТИЕ КАК ФИЛОСОФСКАЯ КАТЕГОРИЯ: ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ

BEING AS A PHILOSOPHICAL CATEGORY: GENESIS AND EVOLUTION

Аннотация. Актуальность темы, которой посвящена настоящая статья, обусловлена отсутствием согласованности воззрений в философском сообществе на содержание целого ряда фундаментальных онтологических понятий и соотношение видов реальности, стоящего за каждым из них. Сопоставляя точки зрения философов прошлого и современных исследователей на понятие «бытие», автор предлагает собственную интерпретацию его объема и содержания, уточняет его специфику.

Abstract. The relevance of the topic to which this article is devoted is due to the lack of consistency of views in the philosophical community on the content of a number of fundamental ontological concepts and the correlation of the types of reality behind each of them. Comparing the points of view of philoso-